

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2024-12-9>

УДК 316

Attribution

cc by

СПЕЦИФИКА ПРОЯВЛЕНИЯ ЭЙДЖИЗМА В СОВРЕМЕННОЙ РОССИЙСКОЙ РЕАЛЬНОСТИ

Ельникова Г. А., Бекетов К. В., Горлов О. С., Юшковский А. Р.

Белгородский университет кооперации, экономики и права

Аннотация. Эйджизм как дискриминация пожилых людей на основании их хронологического возраста является распространенной повседневной социальной практикой, которая негативно влияет на качество жизни людей в возрасте 65+ и на развитие общества в целом. В статье ставится цель определить, как новая социальная реальность, сложившаяся в России в начале 20-х гг. XXI в., влияет на проявление эйджизма. Статья написана на основе анализа результатов, проведенного авторами социологического исследования, респондентами которого были люди 65+. В статье делаются выводы о том, что интенсифицирующаяся цифровизация общества; пандемия COVID-19 и проведение СВО в Украине привели к усилению эйджизма со стороны социального окружения пожилых людей, а также их «внутреннего» эйджизма

Ключевые слова: эйджизм, пожилые люди, старение, стереотипы, дискриминация по возрасту, цифровое общество, COVID-19, Специальная военная операция в Украине.

SPECIFICS OF AGEISM MANIFESTATION IN THE MODERN RUSSIAN REALITY

Galina A. Elnikova, Kirill V. Beketov, Oleg S. Gorlov, Andrey R. Yushkovsky

Belgorod University of Cooperation, Economics and Law

Abstract. Ageism as discrimination against older people based on their chronological age is a common everyday social practice that negatively affects the quality of life of people aged 65+ and the development of society as a whole. The article aims to determine how the new social reality that emerged in Russia in the early 20s of the 21st century affects the manifestation of ageism. The article is based on the analysis of the results of a sociological study conducted by the authors, the respondents of which were people 65+. The article concludes that the intensifying digitalisation of society; the COVID-19 pandemic and the implementation of the SWO in Ukraine have led to an increase in ageism on the part of the social environment of older people, as well as their 'internal' ageism

Keyword: ageism, older people, aging, stereotypes, age discrimination, digital society, COVID-19, special military operation in Ukraine.

Введение.

Глобальной тенденцией современной реальности, отмечаемой как в мировом масштабе, так и в России, является старение населения. И хотя еще не выработано единого мнения о том, кого можно отнести к пожилым и тем более к старым людям, конвенционально предполагается, что вступление человека в старший возраст определяется достижением им пенсионного возраста. В большинстве стран пенсионный возраст наступает в 60-65 лет; исходя из этих показателей, международные организации (ООН, ВОЗ), а также национальные государства и ведут статистику людей старшего возраста. На начало 2021 года население мира в возрасте 65+ насчитывало 761 миллион человек, что в 2,3 раза больше, чем в

1991 году (333 миллиона человек). По прогнозам международных организаций, до 2050 года оно может увеличиться еще в 2,1 раза (до 1664 миллиона человек). Иными словами, сегодня практически каждый десятый житель Земли старше 65 лет; а «в 2050 году к этой возрастной группе будет относиться каждый шестой человек» [12]. Та же тенденция характерна и для России, в которой численность населения старше 65 лет за период с 1950 г. по 2015 г. увеличилась с 4,8% до 13,5%, а в планируемой перспективе к 2030 году возрастет до 19,3% [11]

Возрастание удельного веса пожилых людей делает как никогда острой проблему их недостаточной вовлеченности в общественную жизнь,

которая порождает значительное снижение, с одной стороны, социального самочувствия представителей старшего поколения; а, с другой стороны, возможностей для решения важных социально-экономических вопросов социума. Одним из основных факторов, определяющих такое положение, является эйджизм.

Эйджизм при первоначальном рассмотрении можно определить, как стереотип восприятия человека, связанный с возрастом, который влечет за собой дискриминационные практики.

Проявление эйджизма встречается практически во всех известных обществах, и с ним в течение жизни сталкивается каждый человек в качестве его субъекта или объекта. Однако меняющаяся социальная реальность влечет за собой изменения и в проявлениях эйджизма.

Целью статьи является определение специфики проявления эйджизма в современном российском обществе, хронологически определяемым началом 20-х годов XXI века. Фиксация эйджизма при этом осуществлялась, основываясь на взглядах пожилых людей.

Новизна данной статьи заключается в том, что одновременно со спецификой проявления эйджизма в цифровом обществе и в ситуации с COVID-19 в ней рассматриваются проявления эйджизма в условиях СВО, представляющих собой новый элемент российской реальности с февраля 2022 года.

Методология и методы.

Термин «эйджизм» был предложен выдающимся американским геронтологом, основателем Национального института старения (National Institute on Aging) в США и первым президентом Международного центра долголетия, Р. Батлером (Robert Neil Butler) [16].

Под эйджизмом Р. Батлер подразумевал аналогичную практикам расизма и сексизма дискриминацию пожилых людей на основании их хронологического возраста. С его точки зрения, эйджизм включает в себя негативные стереотипы старости и старения, существующие в обществе в целом; дискриминационные действия по отношению к пожилым людям на уровне функционирования различных общественных институтов и организаций; а также стигматизацию пожилых людей в межличностном взаимодействии [14; 15].

Одно из наиболее емких определений эйджизма, помогающее операционализации данного понятия, приводится в документах ВОЗ: «Эйджизм – это то, как мы думаем (стереотипы),

что мы чувствуем (предвзвешивания) и как мы действуем (дискриминация) по отношению к другим или себе на основании возраста» [28].

Термин «эйджизм» прочно вошел в научный лексикон и используется представителями практически всех гуманитарных и социальных наук, предпринимающих многочисленные попытки его толкования [5; 6; 18]. В философии эйджизм определяется, исходя из сущности новоевропейской цивилизации, основанной на культе молодости и здоровья и одновременно табуировании старости.

В интерпретации современной философии, эйджизм представляется как игнорирование старения в качестве значимой части жизненного пути с ее новыми смыслами и ценностями. [7; 8].

В поле экономических наук определение эйджизма ориентировано, прежде всего, на сферу труда [2; 10; 24]. Так, Эрдман Палмор (E. Palmore.), один из известных американских исследователей старения, отмечает, что «возрастная дискриминация может принимать форму отказа в приеме на работу... или требования освободить рабочее место в связи с достижением пенсионного возраста независимо от способностей работника продолжать работу» [24, с.215].

В социологии и психологии эйджизм определяется на основе представлений о пожилых людях как о социальной группе, о старении как о форме развития и о старости как о части жизненного пути [9; 15]. И все эти представления имеют, как правило, негативную коннотацию, так как фокусом их внимания, по утверждению Эрдмана Палмора, является «утрата (пожилыми людьми) функционирования и способностей» [24, с. 216].

В социологии эйджизм рассматривается и как социальный институт. Причем, по замечанию профессора Калифорнийского университета Т.Д. Нельсона (Todd D. Nelson), «слишком высокая степень институционализации эйджизма является причиной его неосознаваемости» [23, с. 210], которая, в свою очередь, содействует его тотальному характеру.

Исследователи обращают внимание и на то, что эйджизм включает в себя поведенческие, мировоззренческие и эмоциональные компоненты, основанные на хронологическом возрасте, и определяет большинство взаимодействий с пожилыми людьми [17, с.44].

Кроме того, повсеместный характер эйджизма и его институционализация ведет к тому, что люди в ходе своего жизненного пути впитывают в себя «эйджистские идеи» и, по мнению Б.

Леви [20], эйджизм становится «врагом внутри себя» [21, с. 52]. Говоря другими словами, эйджизм выступает не только как дискриминация пожилых людей со стороны окружения, но и как их представление о собственной неполноценности в силу утраты отдельных возможностей и способностей, вызванной процессом старения. Такую форму эйджизма можно определить, как самовоспроизводящийся [20] или «внутренний эйджизм».

В целом в современной научной литературе содержится значительное количество выделенных типов эйджизма, которые отличаются различными способами своего проявления [17; 20; 21].

С нашей точки зрения, все эти типы можно объединить в три большие группы: позитивный (или сострадательный), негативный и внутренний (или самовоспроизводящийся).

Позитивный (сострадательный) эйджизм нацелен на оказание помощи пожилым людям, воспринимаемым в качестве людей душевных и приятных, но слабых и несамостоятельных. В позитивном эйджизме его проявление носит латентный характер, зачастую неосознаваемый самими субъектами.

В основе негативного эйджизма лежит представление о пожилых людях как об «отработанном материале», целью которых является только «доживание», чему также способствует официально принято понятие «период дожития».

Как утверждают авторы научной работы «Contemporary Perspectives on Ageism», подготовленной в рамках международного проекта «Ageism: A Multinational, Interdisciplinary Perspective», эйджизм, в той или иной форме и степени, касается почти всех хронологических возрастов [17, с.23]. Однако эйджизм первоначально был выявлен в отношении пожилых людей и в современных условиях направлен, в первую очередь, на пожилых людей, характеризующихся как «непродуктивных членов общества» [13, с. 147], интересы, ценности и возможности которых можно игнорировать.

В отечественной научной литературе получил распространение термин «геронтологический эйджизм» или «геронтоэйджизм» [4; 7], который позволяет однозначно трактовать его как дискриминационные практики, которым подвергаются в силу своего хронологического возраста именно пожилые люди. Признавая правомерность применения термина «геронтоэйджизм», в данной статье мы, говоря о стереотипах и дискри-

минации в отношении пожилых людей, все же используем понятие «эйджизм» в качестве более фиксированной научной категории.

Как указывалось выше, исследователями признается, что эйджизм носит тотальный характер и имеет глубокие исторические корни [3; 22], однако, меняющаяся социальная, экономическая, политическая и культурная ситуация привносит в него специфические черты.

С начала 20-х годов XXI века социальная российская реальность определяется тремя основными разноуровневыми условиями:

- цифровизацией общества;
- пандемией COVID-19 и постпандемийным периодом;
- проведением «специальной военной операции» в Украине (СВО).

В научной литературе активно исследуется проблема эйджизма в цифровом обществе [25; 26] и его специфика в пандемийный и постпандемийный период [1; 26], а также прослеживается связь между формами его проявления в этих условиях [1], вводятся специальные термины «цифровой эйджизм» («Digital-эйджизм») [25; 26] и «COVID-эйджизм» [19]. Однако эти исследования еще не имеют большую историю, а названные процессы продолжают трансформировать реальность, поэтому изучение современной специфики эйджизма продолжает оставаться актуальным. Более того, изменение степени эйджизма, а также его специфика в условиях военных действий и, в частности, в условиях СВО еще не стали предметом исследования.

Данная статья подготовлена по результатам социологического исследования, проведенного авторами в августе 2024 года (n=276). Респондентами исследования являлись пожилые люди в возрасте 65-85 лет, проживающие в городе Белгороде и Белгородском районе. Среди респондентов были выделены четыре когорты: две когорты по возрасту (65-75-летние (n=202) и 76-85-летние (n=74)); когорты работающих (n=108) и неработающих (n=168) пенсионеров. При проведении исследования использовались комбинированные (количественные и качественные) методы: анкетирование (n=276) и полуструктурированное интервью (n=54). Интервью проводилось после анкетирования с респондентами, выразившими согласие уточнить свою позицию по заявленной проблеме. Вопросы анкеты и гайд интервью ориентировались на выделенные Всемирной организацией здравоохранения (ВОЗ) группы проблем, в которые может быть встроен эйджизм: окружающая физическая среда; участие в жизни

общества; гражданская активность и трудовая занятость; коммуникация и информированность; услуги здравоохранения и социального обеспечения [28].

Обсуждение. Результаты.

Определяющим фактором существования современной реальности является глобальная цифровизация и, исходя из этого, первая часть вопросов, задаваемых респондентам в ходе проведенного социологического исследования, касалась проблем восприятия и самовосприятия пожилых людей, а также их действий и действий в отношении их в условиях активного распространения цифровых технологий. Как показали результаты исследования, подавляющее большинство респондентов (82%) в условиях цифровизации общества потеряли уверенность в ценности своего жизненного опыта, хотя в предыдущие времена именно жизненный опыт являлся основным преимуществом людей старшего поколения, основой их уважения и самоуважения. Более того, цифровизация, которая ведет к резкому изменению всего образа жизни, делает этот образ жизни непонятным во многом для пожилых людей. Отсутствие понимания правил жизни в цифровом обществе и нивелирование накопленного старшим поколением жизненного опыта усиливает эйджизм, который проявляется как со стороны более молодых людей, так и воспроизводится самими пожилыми людьми. Слабая адаптированность к цифровым технологиям пожилых людей, углубляющая их отличия от молодого поколения – «цифровых аборигенов»; потеря значимости жизненного опыта старшего поколения – основные элементы господствующей в современной действительности префигуративной культуры, которая обосновывает и усиливает геронтологический эйджизм. Префигуративная культура цифрового общества делает внешнюю среду недружелюбной по отношению к пожилым людям.

Пожилые люди в цифровом обществе также оказались более ограничены, чем представители молодых поколений, в доступе к информации. В этом наиболее существенную роль играет недостаточное, а зачастую и слабое владение компьютерами. В проведенном исследовании 78% респондентов заявили, что для них характерен страх перед компьютерными технологиями, различными гаджетами и девайсами. Среди них ожидаемо наиболее высок процент респондентов из когорты 76-85 летних (93%). 34% всех опрошенных указали на слабое владение компьютерами, а 21% - на отсутствие у них компьютеров или ноутбуков

и на использование простых мобильных или стационарных телефонов. Как правило, это пожилые люди, проживающие отдельно от молодых родственников.

Вместе с тем, следует отметить, что при Управлении социальной защиты населения администрации г. Белгорода с 2008 года функционирует Университет «третьего возраста», одним из направлений деятельности которого является обучение компьютерной грамотности. Информацией о существовании Университета «третьего возраста» и его направлениях обладали 52% респондентов, однако, посещали занятия только 17%; остальные свою пассивность объясняли проблемами со здоровьем, нехваткой времени и недостаточностью информации. При этом 38% респондентов ответили, что, возможно, пропустили данную информацию; а 4% отметили, что никогда не встречали такую информацию.

В конечном итоге, и те, кто посещал университет, и те, кто осваивал работу на компьютере самостоятельно или с помощью близких, в своих интервью указали на существование серьезных проблем, которые не позволяют им уверенно пользоваться компьютерами и/или Интернетом. Среди таких проблем назывались:

- отсутствие постоянной практики, что более характерно для неработающих пенсионеров;
- незнание английского языка, так как при использовании Интернетом регулярно приходится сталкиваться с указаниями на английском языке;
- переживание сильнейшего стресса при возникновении каких-либо технических неполадок.

Наличие этих и ряда других проблем порождает у пожилых людей в современном компьютеризованном обществе чувство фрустрации, усиливая почву для «внутреннего эйджизма». В свою очередь, близкие родственники – представители более молодого поколения – не видят этих проблем и объясняют неуверенное владение компьютерами лишь возрастными особенностями.

Однако иногда проявляемый в такой ситуации «внутренний эйджизм» имеет и самосохранительную окраску. Так, в интервью один из респондентов (*Михаил Александрович, 68 лет*) сказал, что *когда он откровенно заявляет о неумении пользоваться современными гаджетами, ему охотно помогают молодые люди, и это «позволяет ему избежать ошибочных действий с компьютерными устройствами»*. В то же время, такая ситуация может быть охарактеризована и как «сострадальный эйджизм» со стороны молодых лю-

дей, который представляет собой такой тип эйджизма, при котором пожилые люди хоть воспринимаются положительно как вполне симпатичные, но в целом оцениваются как беспомощные и некомпетентные люди.

Неуверенное владение компьютером негативно влияет на трудовые перспективы пожилых людей. Так, проведенное анкетирование выявило, что из числа неработающих пенсионеров 57% указали на недостаточное владение компьютером и другими цифровыми устройствами как на основную причину их ухода с работы; при этом больше половины (52%) из них приняли такое решение в условиях пандемии COVID-19, когда необходимо было переходить на дистанционную форму работы.

В то же время, большинство респондентов (76%) признают, что даже самые простые, базовые навыки работы с цифровыми устройствами позволяют значительно увеличить интенсивность и пространство как коммуникации, так и, при желании, участия в социальной жизни. Общение со сверстниками и единомышленниками способствует, в определенной степени, уменьшению «внутреннего эйджизма».

Таким образом, в условиях цифрового общества эйджизм по отношению к пожилым людям усиливается, как и значительным образом возрастает «внутренний эйджизм» у самих представителей старшего поколения. «Digital-эйджизм» имеет различные формы, но в целом он означает ощущаемые пожилыми людьми исключенность из современного общества и снижение социального самочувствия. В то же время, владение пожилыми людьми базовыми цифровыми навыками расширяет возможности для их общения и участия в общественной жизни, что несколько снижает уровень как «внешнего» (со стороны других людей), так и «внутреннего» эйджизма.

Новая ситуация в российском обществе сложилась во время пандемии COVID-19. В ее условиях, особенно при введении локдауна, произошло резкое ограничение доступного пространства, и это в наибольшей степени касалось лиц старше 65 лет. Невозможность ведения привычного образа жизни и непосредственного общения, значительное ограничение двигательной активности привели к резкому ухудшению психологического и физического здоровья пожилых людей. 42% респондентов этот период называли периодом «растерянности», когда, как отметил один из респондентов (*Виктор Васильевич, 67 лет*),

«почва была буквально выбита из-под ног». Возрастная граница 65+, обозначенная при COVID-19 как черта повышенной опасности, отделила старшее поколение от лиц других возрастов. На этой основе сложился «COVID-эйджизм», в рамках которого переплелись основные формы эйджизма по отношению к пожилым людям: «негативный», «позитивный, сострадательный» и «внутренний» эйджизм.

Эйджизм в условиях COVID-19 во многих случаях становился отчетливо видимым на фоне уже существовавшего цифрового эйджизма.

Отсутствие навыков пользования цифровыми устройствами вызывало у пожилых людей значительное количество проблем:

во-первых, как уже отмечалось выше, некоторым пришлось уйти с работы;

во-вторых, большая часть респондентов (36%) отмечала возникшие у них сложности с вызовом врача через Госуслуги, онлайн заказами на доставку продуктов, лекарств и товаров первой необходимости на дом. Это, по мнению респондентов, «создавало у них чувство исключенности из общества» (*Ирина Сергеевна, 64 года*) и усиливало «общий пессимистический настрой» (*Нина Васильевна, 70 лет*). Только 24% респондентов в условиях COVID-19 пользовались доставкой из Интернет-магазинов и Интернет-аптек.

Как показали результаты проведенного исследования, при введении локдауна пожилые люди для приобретения продуктов и других товаров, а также лекарств, преимущественно рассчитывали на помощь родственников (38%) и соседей (17%). 7% респондентов отметили, что они пользовались помощью волонтеров; 11% – старались все же сами ходить в близлежащие магазины и аптеки, выбирая время, специально отведенное для этого торговыми учреждениями. Показательно то, что пользующиеся онлайн услугами пожилые люди не испытывали никакого дискомфорта и проявления эйджизма по отношению к ним как возрастным покупателям. В то же время, пользующиеся помощью близких и знакомых людей постоянно ощущали свою зависимость, необходимость подстраиваться под других людей; чувствовали себя обузой. В интервью респонденты отмечали, что родственники стали менее внимательны к ним и их проблемам и, в целом, стали более грубо с ними обращаться.

68% респондентов сообщили, что в условиях COVID-19 у них произошло ухудшение здо-

ровья, несвязанное непосредственно с заболеванием ковидом. Это явилось, с их точки зрения, следствием:

во-первых, резкого снижения физической активности (73%);

во-вторых, ограничения из-за карантина доступности медицинских услуг (переноса ранее запланированных приемов на более поздние сроки; сокращение возможности записи к врачам-специалистам) (43%); возникновение в начале пандемии у неработающих пенсионеров трудностей с вакцинированием против COVID-19 (24%).

В целом в период пандемии COVID-19 пожилые люди сталкивались со всеми типами эйджизма, но наибольшее распространение в этой ситуации получил сострадательный эйджизм, который как эйджизм носил, в основном, латентную форму.

Начавшаяся в феврале 2022 года Специальная военная операция на Украине резко изменила ситуацию в стране и в наибольшей степени отразилась на жизни в приграничных с Украиной регионах России. Третий блок вопросов проведенного исследования касался изменения в этих условиях отношения к пожилым людям.

Белгородская область, включая город Белгород, гранича с Украиной, находится в непосредственной близости от военных действий и регулярно подвергается обстрелам и атакам БПЛА; поэтому у ее жителей остро стоит вопрос о мерах безопасности и, возможно, переезда в другие регионы. Но, как показало проведенное исследование, значительная часть пожилых людей (79%) не планируют никаких превентивных мер для обеспечения своей безопасности. 25% респондентов отметили, что они, если будет объявлена эвакуация, все-таки постараются остаться в своих домах или квартирах. Одно из наиболее часто встречающихся объяснений такого выбора звучит следующим образом: *«Я уже старый (старая); жизнь уже прожита и хочется умереть в своем доме»*. При этом хорошо осознавая опасность, большинство из респондентов (68%) положительно ответили на вопрос: *«Советовали ли Вы своим детям и внукам уехать из г. Белгорода в более безопасные регионы?»*. То есть, в данном случае мы сталкиваемся с высокой степенью «внутреннего эйджизма».

Несмотря на нежелание пожилых людей покидать свое жилье, 23% из опрошенных в условиях СВО пришлось хоть на непродолжительное время выезжать из своих квартир или домов. Это было вызвано, главным образом, или разрушением жилья вследствие ракетных атак или атак

БПЛА, или высокой степенью опасности таких разрушений.

В сложившихся ситуациях, как отмечали респонденты, им приходилось сталкиваться с дискриминационными практиками, которые демонстрировались следующими примерами:

во-первых, организованное перемещение в другие регионы для временного проживания, как правило, предусматривалось для семей с детьми, а одинокие пенсионеры находились в конце списков на переселение;

во-вторых, условия проживания в пунктах временного расселения (ПВР), расположенных на территории г. Белгорода и Белгородской области, при всем желании и ответственном отношении их организаторов, в наименьшей степени подходили для пожилых людей, часто страдающих физическими заболеваниями и требующих более приспособленного места для проживания;

в-третьих, пожилым людям вследствие пониженной мобильности и особенностей когнитивного процесса сложнее получать возмещение полученных убытков, которое производилось по заявительному принципу.

Усилению эйджизма по отношению к пожилым способствовали также изменившиеся в условиях СВО отношения с близкими людьми. На вопрос исследования: *«Изменились ли с началом СВО Ваши взаимоотношения с другими членами семьи?»* 17 % ответили «Да»; 34% «Скорее «Да»; затруднились с ответом 21%; ответили «Нет» 16%; «Скорее «Нет» – 12%. Респонденты в беседе сообщали о том, что родственники им чаще стали говорить об отсутствии у них понимания современных событий, и отказывались принимать во внимание их мнение, когда речь заходила о дальнейших перспективах семьи и, прежде всего, о переезде в более безопасные места для проживания.

Подавляющее большинство респондентов (83%) отметило ухудшившееся в условиях проведения СВО свое социальное и психическое самочувствие, а также отношение к себе со стороны окружающих людей. Как сказала одна из респондентов (*Татьяна Васильевна, 65 лет, вдова*): *«Сейчас я постоянно чувствую себя обузой для семьи, да и для общества в целом. Мои проблемы – это последнее, что кого-то сейчас интересует и может интересовать»*.

Исходя из этого, следует констатировать, что в условиях СВО в приграничных российских регионах, на основании примера Белгородской области, эйджизм в отношении пожилых людей усиливается, причем он, в основном, проявляется

или как негативный, или как внутренний эйджизм. При этом примеры позитивного, сострадательного эйджизма встречаются крайне редко.

Заключение.

Таким образом, в современном обществе эйджизм как форма дискриминации в отношении пожилых людей воспринимается социумом в качестве естественного социального явления, приобретая свойства и характеристики социального института. С 20-х годов XXI века на проявление эйджизма стали влиять новые факторы, значительным образом усиливая его. К ним относятся:

- интенсифицирующаяся цифровизация общества;

- пандемия COVID-19 и проведение СВО в Украине.

Эти факторы, отражающие новые жизненные условия современного российского социума, содействуют недостаточной адаптации к ним пожилого населения и углублению негативных последствий для старшего поколения распространения префигуративной культуры. Такие условия приводят к усилению как внутреннего эйджизма пожилых людей, так и его негативному и позитивному проявлению со стороны общества в целом.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Литература:

1. Григорьева, И. А. Изменение подходов к старению и всплеск эйджизма во время пандемии COVID-19 и после / И. А. Григорьева // *Клиническая геронтология*. – 2022. – Т. 28. – №. 7-8. – С. 80-84. <https://doi.org/10.26347/1607-2499202207-08080-084>.
2. Калабина, Е. Г. Эйджизм: основные направления исследований в современных условиях / Е. Г. Калабина, М. Р. Газизова. // *Вестник Томского государственного университета. Экономика*. – 2021. – № 56. – С. 97-108
3. Козлова, Н. Д. Отношение к старению в разных культурных традициях: исторический аспект / Н. Д. Козлова // *Инновации. Наука. Образование*. – 2020. – № 21. – С. 1369-1381.
4. Колпина, Л. В. Геронтологический эйджизм: причины возникновения и проблемы преодоления / Л. В. Колпина, Т. В. Городова // *Фундаментальные исследования*. – 2015. – № 2-17. – С. 3871-3874.
5. Микляева, А. В. Методы исследования эйджизма: зарубежный опыт / А. В. Микляева. // *Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена*. – 2009. – С. 148-157.
6. Новикова, В. П. Концепт эйджизм в инклюзивном медийном дискурсе (на материале английского языка) / В. П. Новикова, О. А. Брагина. // *Политическая лингвистика*. – 2024. – № 1 (103). – С. 76-84.
7. Пальцев, А. И. Философские проблемы старения и геронтологический эйджизм / А. И. Пальцев, А. А. Еремина // *Проблемы экологии, безопасности человека и природы: сборник научных трудов*. – Новосибирск: Новосибирский государственный технический университет, 2023. – С. 106-119.
8. Пигров, К.С. Социальный институт старости: традиция и современность / К. С. Пигров // *Ориентиры... Выпуск 4*. – М.: ИФ РАН, 2007. – С. 84-97.
9. Смолькин, А. А. Социальное проектирование отношения к старости / А. А. Смолькин // *Вестник Саратовского государственного технического университета*. – 2007. – Т. 2, № 1(24). – С. 240-247.
10. Чернышкова, Е. В. Статусные характеристики пожилых людей: экономический аспект / Е. В. Чернышкова // *Вестник Челябинского государственного университета*. – 2008. – № 32. – С. 175-181.
11. Щербакова, Е.М. Старшие поколения населения России / Е. М. Щербакова // *Демоскоп Weekly*. 2019. № 797-798. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2019/0797/barom01.php>
12. Щербакова, Е.М. Старение населения мира по оценкам ООН 2022 года / Е. М. Щербакова // *Демоскоп Weekly*. 2022. № 975-976. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2023/0975/barom01.php>

13. Angus, J., & Reeve, P. (2006). Ageism: A threat to “aging well” in the 21st century. *Journal of Applied Gerontology*, 25(2). – P.137–152.
14. Butler R.N. Age-ism: Another Form of Bigotry // *The Gerontologist*. – 1969. – V. 9, Iss. 4, Part 1. – P. 243–246. DOI: 10.1093/geront/9.4_Part_1.243
15. Butler, R. N. (1980). Ageism: A foreword. *Journal of Social Issues*, 36(2), 8–11.
16. Bernstein C. Age and race fears seen in housing opposition // *Washington Post*. – 1969. – T. 7. – C. A6
17. *Contemporary Perspectives on Ageism*. Liat Ayalon & Clemens Tesch-Römer (Eds.). 2018. Cham, Switzerland: Springer.
18. Iversen T.N., Larsen L., Solem P.E. A conceptual analysis of ageism // *Nordic Psychology*. – 2009. – V. 61. – P. 4–22. DOI: 10.1027/1901-2276.61.3.4
19. Kessler E.M., Bowen K. (2020). COVID ageism as a public mental health concern // *The Lancet Healthy Longevity*. Retrieved from [https://doi.org/10.1016/S2666-7568\(20\)30002-7](https://doi.org/10.1016/S2666-7568(20)30002-7)
20. Levy, B. R. Eradication of ageism requires addressing the enemy within // *The Gerontologist*. – 2001. – 41(5). – Pp. 578–579.
21. Levy, B. R., & Banaji, M. R. Implicit ageism // *Ageism: Stereotyping and prejudice against older persons / In T. Nelson (Ed.), Cambridge, MA: The MIT Press, 2002. – PP. 49–75*
22. McNamara T., Williamson J. *Ageism: Past, present, and future*. – Routledge, 2019. – P. 164
23. Nelson T. Ageism: Prejudice Against Our Feared Future Self // *Journal of Social Issues*. – 2005. – Vol. 61. – № 2. – P. 207–221.
24. Palmore E. Are the aged a minority group? // *Journal of the American Geriatrics Society*. – 1978. – 26 (5). – P. 214–217
25. Rosales A., Svensson J., Fernández-Ardèvol M. Digital ageism in data societies // *Digital Ageism*. – Routledge, 2023. – P. 1-17.
26. Rosales A., Fernández-Ardèvol M., Svensson J. *Digital Ageism: How it operates and approaches to tackling it*. – Taylor & Francis, 2023. – 305 p.
27. Todd D. Nelson Ageism: Prejudice Against Our Feared Future Self // *Journal of Social Issues*. – 2015. – V. 61, № 2. – P. 207–221. DOI:10.1111/j.1540-4560.2005.00402.x
28. WHO: *Global-report-on-ageism* // <https://www.who.int/ru/publications/item/global-report-on-ageism> (дата обращения 12.10.2024)

References:

1. Grigoryeva, I. A. Changing approaches to aging and the surge of ageism in COVID-19 pandemic and after / I. A. Grigoryeva // *Clinical gerontology*. – 2022. – T. 28. – No. 7-8. – P. 80-84. <https://doi.org/10.26347/1607-2499202207-08080-084>.
2. Kalabina, E. G. Ageism: the main directions of research in modern conditions / E. G. Kalabina, M. R. Gazizova. // *Bulletin of Tomsk State University. Economy*. – 2021. – No. 56. – P. 97-108/
3. Kozlova, N. D. Attitude to aging in different cultural traditions: historical aspect / N. D. Kozlova // *Innovations. Science. Education*. – 2020. – No. 21. – P. 1369-1381.
4. Kolpina, L. V. Gerontological ageism: causes of occurrence and problems of overcoming / L. V. Kolpina, T. V. Gorodova // *Fundamental Research*. – 2015. – No. 2-17. – pp. 3871-3874.
5. Miklyaeva, A. V. Methods for studying ageism: foreign experience / A. V. Miklyaeva. // *News of the Russian State Pedagogical University named after. A. I. Herzen*. – 2009. – P. 148-157.
6. Novikova, V. P. Concept of ageism in inclusive media discourse (based on the material of the English language) / V. P. Novikova, O. A. Bragina. // *Political linguistics*. – 2024. – No. 1 (103). – pp. 76-84.
7. Paltsev, A. I. Philosophical problems of aging and gerontological ageism / A. I. Paltsev, A. A. Eremina // *Problems of ecology, human safety and nature: collection of scientific works*. – Novosibirsk: Novosibirsk State Technical University, 2023. – P. 106-119.
8. Pigrov, K.S. *Social Institute of Old Age: Tradition and Modernity / K. S. Pigrov // Landmarks... Issue 4. - M.: Institute of Philosophy of the Russian Academy of Sciences, 2007. - P. 84-97.*
9. Smolkin, A. A. Social design of attitudes towards old age / A. A. Smolkin // *Bulletin of the Saratov State Technical University*. – 2007. – T. 2, No. 1(24). – pp. 240-247.
10. Chernyshkova, E. V. Status characteristics of older people: economic aspect / E. V. Chernyshkova // *Bulletin of Chelyabinsk State University*. – 2008. – No. 32. – P. 175-181.

11. Shcherbakova, E.M. Older generations of the population of Russia / E. M. Shcherbakova // *Demoscope Weekly*. 2019. No. 797-798. URL: <http://demoscope.ru/weekl2019/0797/barom01.php>
12. Shcherbakova, E.M. Aging of the world population according to UN estimates in 2022 / E. M. Shcherbakova // *Demoscope Weekly*. 2022. No. 975-976. URL: <http://demoscope.ru/weekly/2023/0975/barom01.php>
13. Angus, J., & Reeve, P. (2006). Ageism: A threat to “aging well” in the 21st century. *Journal of Applied Gerontology*, 25(2). – P.137–152.
14. Butler R.N. Age-ism: Another Form of Bigotry // *The Gerontologist*. – 1969. – V. 9, Iss. 4, Part 1. – P. 243–246. DOI: 10.1093/geront/9.4_Part_1.243
15. Butler, R. N. (1980). Ageism: A foreword. *Journal of Social Issues*, 36(2), 8–11.
16. Bernstein C. Age and race fears seen in housing opposition // *Washington Post*. – 1969. – T. 7. – C. A6
17. *Contemporary Perspectives on Ageism*. Liat Ayalon & Clemens Tesch-Römer (Eds.). 2018. Cham, Switzerland: Springer.
18. Iversen T.N., Larsen L., Solem P.E. A conceptual analysis of ageism // *Nordic Psychology*. – 2009. – V. 61. – P. 4–22. DOI: 10.1027/1901-2276.61.3.4
19. Kessler E.M., Bowen K. (2020). COVID ageism as a public mental health concern // *The Lancet Healthy Longevity*. Retrieved from [https://doi.org/10.1016/S2666-7568\(20\)30002-7](https://doi.org/10.1016/S2666-7568(20)30002-7)
20. Levy, B. R. Eradication of ageism requires addressing the enemy within // *The Gerontologist*. – 2001. – 41(5). – Pp. 578–579.
21. Levy, B. R., & Banaji, M. R. Implicit ageism // *Ageism: Stereotyping and prejudice against older persons / In T. Nelson (Ed.), Cambridge, MA: The MIT Press, 2002. – PP. 49–75*
22. McNamara T., Williamson J. *Ageism: Past, present, and future*. – Routledge, 2019. – P. 164
23. Nelson T. Ageism: Prejudice Against Our Feared Future Self // *Journal of Social Issues*. – 2005. – Vol. 61. – № 2. – P. 207–221.
24. Palmore E. Are the aged a minority group? // *Journal of the American Geriatrics Society*. – 1978. – 26 (5). – P. 214–217
25. Rosales A., Svensson J., Fernández-Ardèvol M. Digital ageism in data societies // *Digital Ageism*. – Routledge, 2023. – P. 1-17.
26. Rosales A., Fernández-Ardèvol M., Svensson J. *Digital Ageism: How it operates and approaches to tackling it*. – Taylor & Francis, 2023. – 305 p.
27. Todd D. Nelson Ageism: Prejudice Against Our Feared Future Self // *Journal of Social Issues*. – 2015. – V. 61, № 2. – P. 207–221. DOI:10.1111/j.1540-4560.2005.00402.x
28. WHO: *Global-report-on-ageism* // <https://www.who.int/ru/publications/item/global-report-on-ageism> (date of access 12.10.2024)

Информация об авторах:

Ельникова Галина Алексеевна, доктор социологических наук, профессор, профессор кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Белгородского университета кооперации экономики и права. Белгород, E-mail: elniko-va.galina@gmail.com

Бекетов Кирилл Владимирович, аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Белгородский университет кооперации, экономики и права. Белгород, E-mail: kirill.beketov.81@mail.ru

Горлов Олег Сергеевич, аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Белгородский университет кооперации, экономики и права. Белгород, E-mail: sveta.gorlowa2014@yandex.ru

Юшковский Андрей Ростиславович, аспирант кафедры гуманитарных и социальных дисциплин Белгородский университет кооперации, экономики и права. Белгород, E-mail: aerobras@gmail.com

Galina A. Elnikova, doctor of Sociological Sciences, professor, professor of the Department of Humanities and Social Disciplines, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. Belgorod, Russia.

Kirill V. Beketov, postgraduate student of the Department of Humanities and Social Disciplines, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. Belgorod, Russia.

Oleg S. Gorlov, postgraduate student of the Department of Humanities and Social Disciplines, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. Belgorod, Russia.

Andrey R. Yushkovsky, postgraduate student of the Department of Humanities and Social Disciplines, Belgorod University of Cooperation, Economics and Law. Belgorod, Russia.